

Путешествия Дариана Лиски

Наталья Виллануева



Наталья Виллануева

Путешествия Дариана Лиски

«Издательские решения»

Виллануева Н.

Путешествия Дариана Лиски / Н. Виллануева — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-969778-3

Вы всегда уверены в том, что не спите? Или в том, что точно знаете, кем является ваш спутник? Дариан, пребывающий в прекрасной реальности, мог бы утвердительно ответить на эти вопросы — до знакомства с миром смертных людей. После этого его великолепная жизнь становится зыбкой. Однако, как утверждает обменник-водная сущность, плохие ситуации в его мире невозможны. Так кто же его жена? Для чего на планете оказались иные люди? Все тайны открываются перед Дарианом, но совсем не так, как он ожидал.

ISBN 978-5-44-969778-3

© Виллануева Н.
© Издательские решения

Содержание

Путешествия Дариана Лиски	6
Глава 1	7
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	21
Глава 5	27
Глава 6	30
Глава 7	33
Глава 8	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Путешествия Дариана Лиски

Наталья Виллануева

Редактор Марина Тюлькина

© Наталья Виллануева, 2019

ISBN 978-5-4496-9778-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Путешествия Дариана Лиски

Мир не заканчивается на нашем горизонте.

А. Лемьер

На одной из далеких от нас планет, очень похожей на Землю, живут люди двух рас – с лиловым цветом кожи и оранжевым. Но это не единственное их различие.

Лиловые – раса с безупречной нравственностью и высоким интеллектом. Оранжевые же не умеют управлять своими мыслями и эмоциями, у них низкий уровень сознания и духовности.

У лиловых нет никаких систем и программ, каким-либо образом управляющих людьми. Оранжевые не обладают знаниями и поэтому не могут нарушить порядок жизни лиловых.

Каждое семейство лиловых имеет в своем доме информационный обменник. В нем собрана информация о планете, обо всех людях, населяющих ее, об истории всего, что внесено туда, и, таким образом, известно. Каждому лиловому доступны все знания и открытия, совершающиеся на их земле, если, конечно, человек, получивший к ним доступ, передал информация в обменник.

Лиловые давно победили болезни и старость, живут в счастье, размеренно и мирно. И пребывать на планете можно столько, сколько того пожелает сам человек. А когда он решает, что необходимо переходить на иной уровень развития, то отправляется на любой холм и словно засыпает, а потом исчезает. Никто в подробностях не знает, куда все уходят, и никто не боится неизвестности. Все лиловые пребывают в уверенности, что направляются в лучший мир.

Глава 1

Дариан Лиски происходил из древнего рода лиловых, насчитывающего уже тридцать четыре поколения предков. Предшественники его матери и она сама занимались наукой. Отец увлекался искусством, любил верховую езду и садоводство. Дариану, их единственному сыну, в этом году исполнилось двадцать лет. Детство его прошло безмятежно и счастливо, впрочем, как и у всех лиловых.

Дариан путешествовал по планете и побывал почти везде. В труднодоступных местах, где физическое тело испытывало бы дискомфорт, он использовал виртуальное, и когда его разум встречался с огромными китами или исследовал вулканы, сам Дариан располагался в уютном кресле. Но все же он предпочитал реальные путешествия.

В строении, расположенном рядом с конюшнями отца, жила птица, чей размах крыльев покрывал двенадцать лошадей, стоявших в ряд. Это была птица Дариана, по имени Сезор. На Сезоре он облетел весь материк, лишь изредка останавливаясь погостить в домах лиловых. Эта раса строила их в форме пирамид, впрочем, некоторые строили дома-сферы, но это было скорее исключением. Пирамиды из хрусталя и камня, занимавшие огромные площади, прекрасно смотрелись с высоты птичьего полета.

Лиловые составляли четверть от общего числа жителей планеты, занимая при этом почти два материка. На третьем небольшом континенте проживали оранжевые, кроме того, они занимали совсем небольшую часть суши, на которой жил Дариан. Этот кусочек земли едва ли составлял десятую часть территории материка.

Свои домики – маленькие, прямоугольные или округлые, с острой крышей, в несколько этажей – оранжевые строили из грубого камня и растений. На территорию оранжевых Дариан не спускался, он лишь смотрел на людей, выходящих из своих неприглядных домиков, разговаривал Сезора и летел обратно. Оранжевые его не интересовали, он знал, что эти люди примитивны и способны устраивать безобразные сцены. А он любил лишь прекрасное: музыку, скульптуру, живопись, восхитительные сады и море. Он мог часами наслаждаться игрой рыб и дельфинов, проектировал небольшие корабли и фонтаны и неделями жил на поверхности воды.

Но в этот год путешествий по земле стало гораздо больше. Верхом на лошади, неспешно объезжая близлежащие леса, он рассматривал строения соседей. Его родители, заметив, что сын уже не так сильно нуждается в их обществе, решили ненадолго оставить его. Но их путешествие отличалось от перемещений Дариана. Физические тела матери и отца покоились в одной из комнат пирамиды в растворе, сохранявшем и поддерживавшем их функциональность. А их информационные составляющие получили другие тела на планете, чью звезду, вокруг которой она вращалась, их сын с трудом мог разглядеть в телескоп. Там у них текла другая жизнь, но они не осознавали того, что это всего лишь их сны. Они не помнили ни друг друга, ни Дариана, ни ту реальность, из которой пришли. Иногда, соскучившись, Дариан ненадолго включался в их сновидения. На той планете родители были еще детьми, и когда они, заснув в том мире, видели сына, то вспоминали, кем являются и откуда появились. Дариан заверял их, что у него все прекрасно, хотя, возможно, немного лукавил: ему все же не хватало общества отца и матери.

Однажды, оседлав лошадь, он как обычно отправился в лес, но не в сторону, уже прекрасно изученную, а в другую, ему еще неизвестную. Туда, где росли стройные кипарисы и высокие эвкалипты, где из земли пробивалась горячая вода, и где, как он слышал, исполняло песни синее озеро.

Дариан почти выехал из леса, как до его слуха донеслась приятная музыка. Он остановился и заслушался, затем, решив посмотреть, кто или что воспроизводит такую чудесную мелодию, направил коня в сторону, откуда исходили волны. И вот перед ним предстала зеле-

ная поляна, по краям ее украшали кусты красных цветов, а в середине располагался огромный музыкальный инструмент, вдвое выше Дариана. Такого чуда инженерной мысли в сфере искусства юноша еще не видел. У инструмента были десятки струн и клавиш, а в центре этого великолепия, плавно скользя то в одну, то в другую сторону, нежно трогая струны, танцевала девушка. Ее длинные кудрявые светлые волосы касались колен, желтые, чуть раскосые глаза ласково смотрели на Дариана. Вся ее фигура словно была вырезана талантливым скульптором, знакомым со всеми законами устройства мироздания. Впрочем, все лиловые имели внешность, бесконечно радующую глаз. В последние столетия в зарождение новой жизни почти всегда вмешивалась генетика. Но такого изящества Дариан еще не видел. Забыв про чудесный инструмент, он завороченно рассматривал красавицу. Она же тем временем оставила музыку и, улыбаясь, направилась к нему. Пышное бело-красное длинное платье мягко шелестело по зеленой траве.

– Дариан из семьи Лиски, – раздался приятный грудной голос, – наконец-то я увидела тебя.

Глаза девушки искрились, она подошла к юноше совсем близко и поцеловала в щеку. Дариан таким же образом с удовольствием поприветствовал ее.

– Мы соседи, – снова заговорила девушка, видя его смущение, – но так бывает, что сначала мы предпочитаем исследовать дальние земли, а уж потом то, что находится поблизости. Я – Мару-Эль Милар, а мой дом находится недалеко от этого леса.

– Мне очень приятно познакомиться. Почему же я ничего не слышал о тебе, и никогда не видел? Ты не вносила никакой информации, иначе бы я знал о тебе все.

Мару-Эль рассмеялась.

– Обо мне имеется информация, ты просто не замечал или не интересовался. Хотя да, ее немного, лишь о моем детстве. Даже мой портрет, размещенный в обменнике, изображает десятилетнюю девочку. Однако, думаю, ты слышал о моем отце.

– Ресэли Милар? Он занимается генетикой. Да, конечно, я читал. Насколько я помню, он творит чудеса. Но не знал, что у него есть дочь.

– Что ж, вот мы и встретились, – глаза Мару-Эль излучали радость, и Дариан ощутил счастье, словно увидел человека, которого ждал много-много лет. – Я бы хотела представить тебе мою семью, если не возражаешь.

Дариан нисколько не был против, и вскоре, после недолгой ходьбы, перед ними открылся прекрасный пейзаж. Внизу переливалась синевой гладь озера. Мару-Эль хлопнула в ладоши, и оттуда грянул хор голосов. Над водой раскинулся плетеный радужный мост, и девушка пригласила гостя встать на него. Медленно раскручиваясь и сворачиваясь, мост повез их к дому. Огромная восьмигранная пирамида из горного хрусталя и гранита была окружена высокими вековыми деревьями. По ее хрустальному верху скользили изображения фракталов, а внизу частыми вкраплениями блестели драгоценные камни. Окружающие пирамиду прекрасные сады – на земле и в воздухе – безмерно восхищали взор своими яркими красками. Воздух наполнился свежестью и пряными ароматами цветов. Белые птицы с большими разноцветными хвостами летали в вышине, чуть ниже порхали сотни бабочек.

Дариан не заметил, как оказался перед входом в дом Мару-Эль. К ним приблизился аморфный и забрал лошадь. Аморфные представляют собой скопление жидких кристаллов, управляемых обменником. Они выполняют монотонную и рутинную работу, не требующую сложного мышления. Внешне аморфные похожи на людей, но тела их прозрачны словно вода.

– Добро пожаловать в дом Миларов, – Мару-Эль взяла Дариана за руку, и они вошли внутрь. Юноша не успел ничего подумать, как откуда-то сверху раздался мужской голос.

– Дариан! Какая радость видеть тебя здесь! – лестница из янтаря медленно спускала Ресэли Милара к ним навстречу.

Мару-Эль была очень похожа на отца, но у Ресэли, в отличие от нее, на плечи ниспадали красные волосы, а глаза были синими.

– Наконец-то, спустя двадцать лет после своего рождения, ты почтил нас визитом, – Ресэли искренне улыбался. Лиловые говорили то, что думали, не боясь озвучить свои мысли, и не тратили силы на то, чтобы казаться не тем, кем являлись.

– Ресэли, – Дариан направился навстречу новому знакомому, – я не знал, что вы живете так близко. Я видел ваши работы, но не удосужился узнать, что мы соседи.

Мужчины поклонились друг другу. Ресэли выглядел чуть старше Дариана. Его черная рубашка и строгие брюки не скрывали прямой осанки, широких плеч и тонкой талии.

– Почему же вы не посещали нас? – спросил Дариан.

Показалось, что Ресэли немного смутился, и Мару-Эль внимательно посмотрела на отца.

– Когда-то давно, еще до твоего появления на этой планете, я часто бывал в доме Лиски. И несколько лет являлся женихом твоей матери. Но у нас что-то не сложилось, – он пожал плечами, – и потом... Твоя мама вышла замуж, а я нашел Мелонию. А теперь пойдем, познакомимся с моими красавицами.

Ресэли жестом пригласил гостя на янтарную лестницу. Дариан огляделся. Огромный зал отовсюду освещался ярким светом. Овальные окна, вырезанные в граните, не только впускали солнечные лучи, но и светились сами. По периметру зала в малахитовом бассейне плавали черные лебеди, а невысокие фонтаны, украшенные цветами из алмазов, струями рисовали над ними водяные мосты. Пол из серо-фиолетовой яшмы был покрыт ковром из зеленой травы. На стенах, выложенных мозаикой из голубой бирюзы, молочного опала, темно-красного граната, фиолетового топаза, желтого авантюрина, изображалась природа – небо, горы, неизвестные Дариану дивные животные, – а также фигуры людей. В дальней стороне зала просматривались золотые статуи дев, словно поддерживающих своими руками весь небосвод.

Ступив на лестницу из цилиндрических ступеней, Дариан ощутил невероятную легкость, и янтарное сооружение полетело под купол пирамиды. Центр верхней комнаты занимали круглый стол со стульями из прозрачного кварца. По стенам скользили фракталы. В углах расположились мягкие диваны, а над столом в воздухе висел обменник. Он походил на огромную каплю воды, хотя мог принимать любое обличье. Его общение с человеком осуществлялось с помощью мыслей и голоса.

Почти во всех домах лиловых вся верхняя часть пирамиды отводится обменнику. Здесь он показывает фильмы, в которых принимают участие желающие, записывает программу для аморфных, материализует их, управляет ими, наблюдает за пирамидой и ежедневно записывает новую информацию.

Никто не знал, и ни в одном обменнике не имелось сведений, откуда появился первый экземпляр. А если образовывалась новая семья лиловых, то обменник производил себе подобного в несколько секунд. И новая капля воды содержала все то, что содержал ее создатель. И как только информация записывалась в одном из обменников, она тут же появлялась во всех остальных.

Около одного из окон стояли две женщины, разглядывая что-то вдали. С высоты пирамиды открывался вид на зеленую долину.

– Мелония, Рене. Я думаю, вы уже знаете, кто у нас в гостях, – произнес Ресэли.

Дамы обернулись.

– Да, конечно, – ответила девушка, стоявшая справа. Ее раскосые зеленые глаза улыбались, – Дариан Лиски. Я Мелония. А это моя младшая дочь Рене.

– Счастлив познакомиться с вами, – Дариан поцеловал Мелонию, потом Рене.

Обе женщины были восхитительны. Мелония выглядела не старше дочерей, только была чуть выше их ростом. Ее светлые густые волосы, собранные вокруг головы, удерживались золотыми нитями. Белоснежное платье приоткрывало высокую грудь и не скрывало стройных ног.

Рене походила на отца больше, чем ее сестра. Красные кудрявые волосы свободно ниспадали на покатые плечи, прозрачное голубое платье с шелковыми вставками на груди и ниже пояса доходило до пола, а сзади него тянулся пушистый шлейф из перьев птиц, тонкая талия перевязана ремешком из самоцветов. Такие же желтые глаза, как и у Мару-Эль, четко очерченные черными ресницами, весело смотрели на Дариана. А ее лиловая кожа, наверное, была самого светлого оттенка из тех, что встречались на планете.

– Ресэли, я с огромным интересом изучал ваши работы, но сейчас вижу, что вы гениальны, – наконец оторвав взгляд от девушек, сказал Дариан.

– Благодарю, – Ресэли поклонился. – Но если ты имеешь в виду гены моих дочерей, то ты мне льстишь. Подборку того, что в них заложено, осуществляла Мелония, а я лишь автор разработки.

– Великолепно! Я никогда не видел такого совершенства!

Ресэли улыбнулся.

– Я много лет занимаюсь мутациями. И те рыбы, что поют в озере, и эвкалипты, что растут у входа, – результат этих работ. Ты подумал, что деревья древние?

Дариан кивнул.

– Им только два года. Я люблю менять облик сада, не отличаюсь консерватизмом, но восхищаюсь новизной.

– Однако для обновлений необходима энергия. Неужели ваш обменник успевает так много? – Дариан был немного удивлен. Он подозревал, что у сферы, напомилавшей воду, почти безграничные возможности, но когда его обменник Лиски (водного помощника обычно именовали по фамилии семьи) работал достаточно интенсивно, то говорил, что уходит на отдых. И сфера на несколько суток неподвижно зависала в воздухе, оставляя за собой лишь малочисленные функции. Обменники получали энергию отовсюду, но для ее переработки требовалось время.

– Не успевает столько, сколько бы мне хотелось. И я уже мечтаю, как рядом с моим домом появятся пирамиды для дочерей, в которых будут находиться еще два обменника, и думаю, тогда энергии хватит на все новшества, запланированные мной, – ответил Ресэли.

– Дариан, знаю, вы давно покинули свой дом, и вы голодны, – в разговор деликатно вступила Мелония. – Давайте спустимся в сад.

– Благодарю, Мелония. Я забыл про все, увидев вашу семью. Здесь столько всего удивительного, о чем я и не подозревал. А виды птиц, которых я увидел у вас, так необычны. Вы не вносили информацию в обменник?

– Мы вносим, но только небольшую часть, – с улыбкой ответил Ресэли, – иначе бы ты не знал, чем я занимаюсь.

– Что ж, накрытый стол ждет нас в беседке, и нам ничего не остается, как спуститься, – сказала Рене таким же низким и мелодичным голосом, как у ее сестры.

Глава 2

Через десять минут они наслаждались ароматами сада, пением птиц и изысканной едой. Лиловые употребляли в пищу продукты, которые программировал обменник. Им уже давно не нужно было заботиться ни о животных, ни о растениях, для того чтобы удовлетворить потребность тела в необходимых для него элементах. Обменник воспроизводил белки, жиры, углеводы в форме того, чего хотелось хозяевам его дома.

Двое аморфных накрыли на стол. Милары и Дариан сидели в беседке, по форме напоминавшей шар. Беседка медленно перемещалась по саду, показывая Дариану все уголки этого прекрасного места. Огромные секвойи и эвкалипты, закрывающие собой небо, были посажены вокруг всей земли Миларов. Ближе к дому насаждения становились ниже, возле пирамиды в воздухе висели зеленые тарелки цветов, а по земле стелился мох. Пальмы, кипарисы, эбеновые деревья, баобабы перемежались березками, соснами и липами, а олива и можжевельник не стесняли друг друга. Четыре водяных столба, такой же высоты и толщины, что и эвкалипты, расположились на каждом из углов пирамиды. Внутри столбов цвели светящиеся растения, мимо миниатюрных кубов плавали крупные и мелкие рыбы с пестрыми пышными хвостами. Сад был полон птиц, их голоса звучали в унисон, как оркестр, управляемый невидимым дирижером. Дариан заметил птицу размером с его палец, и птицу, пролетающую над ними, чуть меньше Сезора, с головой, напоминавшей человеческую, и хвостом, как у рептилии.

После протеинов, по форме напоминавших моллюсков, аморфные принесли материальные программы молока, фруктов, орехов и чая. Дамы почти не ели, лишь отпили молока. Ресэли ел много и с аппетитом, успевая рассказывать о жене и дочерях.

– Возможно, я бы не стал заниматься генетикой, если бы не повстречал Мелонию. А встретились мы при весьма интересных обстоятельствах. Я заблудился. В телепорт, странным образом, были введены другие координаты, и вместо дома моего друга я оказался в незнакомом мне месте. Комната телепорта, разумеется, была отделена и закрыта, я увидел название рода и понял, что ошибся. Хотел вернуться обратно, но услышал, что дверь открывается, а потом увидел ее. Тут я понял, что уже никуда не спешу. Спешила Мелония, и я отправился вместе с ней. С тех пор мы не расстаемся, – Ресэли нежно дотронулся до руки жены, Мелония в ответ ласково посмотрела на мужа.

– А как я был счастлив в те дни, когда на этот свет приходили мои дети! И за чудесных красоток тоже должен благодарить Мелонию. Она проектировала их, вплоть до размеров ушей и формы ногтей. Мару-Эль обладает тонким слухом, все, что поют в саду и на озере, написано ей. А Рене – путешественница, запоминает картины реальности, а после переносит их на полотно. Мозаика в холле – ее работа.

Отец, не скрывая, восхищался и гордился дочерьми.

– Дорогой, Дариан не менее талантлив, – Мелония отчего-то засмушалась. – Как-то вы поместили в обменник семейный ужин, и, просматривая его, мы восхищались вашей семьей и наслаждались беседой, которую вы вели. И желали познакомиться с вами, но Ресэли почему-то было неловко. Я рада, что ты оказался в нашем доме. Надеюсь, ты будешь нашим постоянным гостем.

– Да, буду, – к лицу Дариана прилила кровь. – Такая красота в пирамиде Миларов не может оставить меня равнодушным, и, конечно, я вернусь.

Мелония посмотрела ему в глаза и загадочно улыбнулась.

После обеда Ресэли предложил покататься по озеру. Присутствующие не покинули просторную белую беседку, так как она, сделав последний оборот вокруг сада, полетела к озеру и, опустившись на гладь воды, поплыла по ней. Озеро вновь запело. Дариан увидел необыкновенных рыб. Создания походили на раздутые шары с человеческими ртом и глазами, потом он

заметил хвосты длиной в его рост. Рыбы, как ему казалось, не были безобразны и даже как будто улыбались.

– Ты знал об этом озере? – спросил Ресэли.

– Да, в обменнике находил информацию. Я интересуюсь водой и сейчас в восторге от того, что вижу!

– Самая интересная часть – это вложение в них интеллекта, что позволяет им петь в хоре, управляемом дирижером. А физиологические особенности – работа пары недель.

– Они обладают интеллектом?

– В большей степени, чем остальные рыбы, они как морские млекопитающие, хотя всего лишь поют.

Дариан заслушался, рыбы пели о любви и гармонии.

– Музыку и слова написала Мару-Эль, – Ресэли улыбнулся старшей дочери.

– Я люблю музыку, и это так восхитительно – делать то, что нравится, – сказала Мару-Эль. – Дариан, ведь тоже ее ценитель.

– Да, но я не пишу. В меня не заложили гены, отвечающие за страсть к музыке. Хотя меня вообще не проектировали, мои составляющие выбраны абсолютно произвольно.

– Мы так привыкли полагаться на обменник и на самих себя, что исключаем действие случая, так называемых неучтенных факторов. И возможно, в каких-то ситуациях это мешает нашему развитию, – произнесла Мелония после недолгого молчания.

– Да, я размышлял над этим. Мы всё и всегда стремимся упорядочить, – Ресэли встал с мягких подушек и принялся подкармливать рыб, – хотя какой прекрасный случай, что мы познакомились. Так и ты у родителей, полагающихся на вероятность, получился таким, будто они сочиняли тебя десятилетиями.

– Вы мне льстите, Ресэли. Во мне нет ничего особенного, иногда я думаю, что если бы в нашем мире существовала конкуренция, то я был бы ни на что не годным. Ни в одном деле я не достиг выдающихся результатов.

– Ты еще не так много прожил на планете. И то, что у тебя получится лучше всего, ждет впереди, я уверен.

– Возможно, Ресэли, однако мы говорим о настоящем, и в сравнениях мне не выжить, – смеясь, ответил Дариан.

Рассмеялись все.

– Думаю, что бояться нет смысла, Дариан. Вряд ли жизнь среди лиловых пойдет по линии конкуренции, – сказала Мару-Эль. – К чему здесь это? Только оранжевые живут по таким законам, но ты же не собираешься переселяться к ним?

– Некоторые лиловые интересуются ими до сих пор, пытаюсь усовершенствовать. Но подозреваю, это невозможно, велика пропасть. Хотя удивительно, у нас один и тот же набор генов, – продолжила Рене.

– Я не интересовался оранжевыми. Считаю, что они имеют право на выбор. Хотя не понимаю, зачем они мучают сами себя. Что за причудливое мышление... И почему их развитие остановилось... – ответил девушкам Дариан.

– Мы тоже не интересуемся ими, хотя за нашими землями проходит граница, – сказала Рене, – и как-то один из наших соседей поселил у себя оранжевого. Но потом сожалел, – она покачала головой.

– Да, они всюду вносят хаос. И лиловая раса не может осуждать их за такой выбор. На то он и выбор. Живут, как хотят, – Мелония будто поставила точку в разговоре.

Рыбы продолжали пение. Легкие волны качали беседку. Рене попросила программы фруктовых соков.

– Мы можем поплавать, если хочешь, – Мару-Эль подошла к Дариану и дотронулась до его руки.

– Да, с удовольствием, – не раздумывая, ответил он.

– Милар, одень нас для озера, – обратилась Мару-Эль к обменнику.

Через секунду Дариан оказался в плотном воздухе. Его предыдущее одеяние разлетелось на атомы и вновь собралось, но уже в другом варианте. Он посмотрел на Мару-Эль. Гладкая чешуя покрывала ее от шеи до пяток, а около головы образовалось плотное, молочного цвета, облако. Юноша выглядел так же.

– Вы с нами? – спросил он остальных.

– Нет, плавайте вдвоем, – ответила Мелония, – в нашей семье Мару-Эль сильнее всех любит воду и все, что с ней связано.

– Что ж, пойдем, – Дариан предложил руку девушке в чешуйках, и они спустились на воду.

Синее озеро было прохладным, но Дариан, увлеченный новым местом на планете, не чувствовал холода. Построенный на дне город из полых гладких и шершавых сфер заставил его позабыть о собственном теле. Молодые люди заплыли в одну из них.

– Раньше они находились в саду, – заговорила Мару-Эль. Белое облако вокруг головы не препятствовало передаче звука. – Потом папа решил, что без них вид будет лучше. Теперь сферы здесь. В этой мы можем увидеть прошлое.

Она нажала на рубиновую виртуальную кнопку в самом центре сферы, и перед Дарианом замелькали картинки его детства, родители, первые слова, первые путешествия.

– Ты видишь свое прошлое, потому что находишься ближе к центру, чем я, – заметив удивление Дариана, пояснила спутница.

Она подплыла ближе, и теперь сфера показывала детство Мару-Эль.

– Как информация о моем прошлом, которая не занесена в обменник, известна сфере? – смутился Дариан.

– Сфера беспристрастна, она читает твои мысли и, не спрашивая разрешения, как делает обменник, показывает их, – Мару-Эль отплыла от центра.

Дариан увидел лишь ее раннее детство. Он хотел попросить показать больше эпизодов, но почему-то смутился.

– А что делают другие сферы? – только спросил он.

– Существует сфера, показывающее будущее. Вернее, одно из наиболее вероятных сгущений событий.

– Мне бы хотелось взглянуть, Мару-Эль, – Дариана интриговали вероятности, у него даже слегка закружилась голова.

– Конечно, Дариан, она соседняя. Поплыли. Но ты зайдешь внутрь один, я не могу сопровождать тебя.

Когда он оказался внутри сферы, в ней зажегся яркий свет, потом наступила темнота, его быстро куда-то понесло, а потом резко остановило. Перед ним, как и в предыдущей сфере, замелькали картинки, и Дариан почувствовал себя их участником. Он ощутил себя в длинном фраке, сидящим на лошади. Рядом находились его друзья. Небо, разукрашенное многоцветным сиянием, как будто отражало пение громкого баса. Он увидел Мару-Эль: она приближалась к нему в огромной летящей корзине благоухающих цветов. На ее голове сверкала корона из белых и фиолетовых кристаллов, тончайшее короткое платье цвета золота и серебра едва скрывало тело девушки.

«Это же брачная церемония», – подумал Дариан, вернувшись в настоящее и почувствовав жар в теле. С тех пор как он увидел Мару-Эль, больше половины его мыслей и ощущений было связано с ней.

– Это вероятное будущее, можешь поменять его, – заговорила сфера, продолжая показывать счастливых молодых людей.

Дариан дотронулся до сферы, и картинки исчезли. Недолго постояв, он вышел наружу. Девушка ждала его и, увидев, опустила глаза. Сквозь облако красота ее лица вырисовывалась так же ярко.

– Увидел интересное, заслуживающее твоего внимания? – спросила она и, не дожидаясь ответа, сказала, почти повторив слова сферы: – Впрочем, ты можешь поменять вероятность сгущений, если они тебе не понравились.

Дариан улыбнулся.

– Сфера показала мне вдохновляющие картины. В будущем я доволен. И нам надлежит познакомиться поближе, я буду твоим частым гостем, Мару-Эль. Не возражаешь?

– Я всегда буду рада видеть тебя, – девушка пристально посмотрела на Дариана.

– Что показывала сфера будущего для тебя? – так же, не отрывая глаз от Мару-Эль, спросил он.

– Я никогда не посещала ее. Не хочу огорчиться при картинах, которые могут меня не устроить.

К ним подплыла поющая рыбка и мягко обвила их длинным хвостом.

– Хочешь поплавать еще? – спросила Мару-Эль.

– Как пожелаешь, – Дариану хотелось находиться рядом с ней, и место не имело значения.

– Тогда наверх, остальные красоты посмотрим позже, – отчего-то заторопилась девушка, как будто ее что-то смущало.

Рыбка, соединив пару в единое целое, вынесла их на поверхность.

В это время родители и Рене, превратив часть озера в ледовый каток, сменив одежду, танцевали на коньках. Ресэли часто падал на лед, дамы смеялись, помогая ему подняться.

– Девочки меня утомили! – охал Ресэли и громко смеялся, отчего на его глазах появились слезы. – А как ты, Дариан? Не утомила тебя моя дочурка?

– Она не может утомить меня. Чудесное озеро. Подозреваю, что не смогу заснуть от полученных впечатлений!

Ресэли сделал один оборот вокруг своей оси и вновь приземлился на лед. Снова все рассмеялись.

– Идемте, идемте, я не позволю бесцеремонно смеяться надо мной, – поднимаясь нарочито медленно и неуклюже, проворчал Ресэли. Дамы старались сдерживать смех, но у них ничего не получалось.

– Да, да, папа. Займемся чем-нибудь более спокойным. Милар, в беседку нас, пожалуйста, – произнесла Рене, быстрее всех став серьезнее.

Поменялись их одежды, и Рене в своем голубом прозрачном платье, низко склонившись у воды, спросила:

– Вы присоединитесь к нам? Или будете жить на поверхности воды, окутанные рыбьим хвостом?

Мару-Эль похлопала рыбку и та выпустила их. Дариан, вздохнув, нехотя разомкнул объятия, вспоминая картины будущего, показанного сферой.

После прогулки по озеру они переместились в дом. Когда Ресэли спросил у Дариана, что они видели на дне, тот смутился, но Мару-Эль ответила за него.

– Я показала Дариану всего лишь две сферы. Сферы событий прошлого и будущего. Но не будем говорить об этом. И даже я не знаю, что Дариан увидел в сфере будущего, и выбираю не знать.

– Хорошо. Я очень любопытен, но в данном случае умерю свой интерес, – не огорчаясь, сказал Ресэли. – Предлагаю посмотреть фильм-реальность, что пожелает наш гость.

Дариан же предоставил выбор Мару-Эль. И они слушали музыку ручья и птиц. Потом Дариан с Мелонией играли в шары на трех параллельных плоскостях. И так, по-семейному, подкрался вечер. Все вновь спустились в сад, и на этот раз стол расположился на одной из тар-

лок, висевшей в воздухе. Светило медленно скатывалось за горизонт, оставляя за собой красно-оранжевые полосы. На небосклоне уже появились яркие звезды. Рене заказала теплый ветер, и мягкие волны воздуха нежно забегали по лицам и волосам сидящих. На ужин подали материальные программы лосося с баклажанами и лимоном, сливочный крем и ягодный сок.

– Одно из моих любимых блюд, – Дариан расцвел в улыбке. – Вы вспомнили семейный фильм?

– Да. Все сделано верно? – спросила Мелония.

– Все безупречно! Я в восторге! Мои родители путешествуют, а когда я один, то забываю о том, чего бы мне хотелось поесть. И, конечно, обменник материализует только то, что необходимо моему организму, не задумываясь о моих вкусах.

– Забота о здоровье входит в основные функции обменника, все остальное вторично, включая предпочтения в еде.

– Вы правы, Мелония, – Дариан с удовольствием принялся за ужин, вспоминая вечера с родителями, не забывая при этом бросать взгляды в сторону Мару-Эль.

Тарелка, и снизу, и сверху заросшая мягкой зеленой травой, по кругу которой росли маленькие деревца с широкой кроной, едва достигавшие колен Дариана, медленно кружилась, огибая пирамиду Миларов, постепенно поднимаясь все выше и выше. Потом, достигнув пика строения, она, так же медленно кружась, опускалась вниз. Дариан заметил свой дом, еще две соседские пирамиды, и здесь, наверху, в бледном свете звезд, уже был заметен луч, пересекающий небо вдоль. Юноша видел его впервые, так как путешествовал на Сезоре только днем, но по виртуальным картинкам он знал, что это след невидимой стены, разделяющей жизнь лиловых и оранжевых.

Время пролетело незаметно, и приятный ужин, проведенный в обсуждении новых книг, появившихся в обменнике, закончился. Пассажиры покинули летающую зеленую тарелку.

– Оставайтесь у нас ночевать, Дариан, мы будем рады, – предложила Мелония.

– Да, просторная комната в твоём распоряжении, – поддержал супругу Ресэли.

– Благодарю вас. Но мне пора, хотя кроме лошадей и птицы меня никто не ждет, я все же отправлюсь в пирамиду Лиски.

Дарианом овладели смешанные чувства. Ему хотелось находиться рядом с Мару-Эль так сильно, что щемило в груди, но в то же время не терпелось поговорить с обменником, а в доме Миларов этот разговор не представлялся ему уместным.

– Как пожелаешь, Дариан. Но мы ждем тебя завтра. А твоя лошадь пусть останется у нас, – улыбаясь, сказал Ресэли.

– Я давно не проводил время так прекрасно, и нахожусь под впечатлением от сегодняшнего дня, – Дариан говорил это всем, но смотрел только на Мару-Эль. – Я приду к вам завтра, не сомневайтесь. Возможно, я еще вам надоем, и вы перестанете меня пускать.

Милары дружно рассмеялись.

– Очень и очень маловероятно, – ответила за всех Мару-Эль. – Я провожу тебя к телепорту.

Дариан пожелал всем оставшимся доброй ночи, и пара направилась в комнату для перемещений, которая, как и у всех лиловых, располагалась под пирамидой. Вдыхая свежий ночной воздух, они медленно спустились по черной мраморной лестнице. Мару-Эль открыла дверь, комната осветилась фиолетовым светом.

– Я буду ждать тебя завтра, – Мару-Эль коснулась губами его щеки, Дариан поймал ее маленькую ладонь и поцеловал.

– А я буду здесь с первыми лучами. Ммм... Хотя все-таки спрошу у обменника. Предупреди Милара о том, чтобы он сообщил мне время, когда вы пробудитесь.

– Ты будешь знать минуту, когда все поднимутся, – с улыбкой заверила Мару-Эль.

Дариан встал в овал небольшой кабинки, набрал координаты на треугольном выступе и почти в то же самое мгновение оказался в такой же комнате.

Глава 3

Он нажал на кнопку, овальная кабинка выпустила его, здесь на стене бежала надпись: «Семья Лиски». Дариан вздохнул, вышел из комнаты для телепорта, преодолел ступеньки, ведущие наверх, и отправился навестить Сезора и конюшни. Контролировать животных не было надобности, обменник поддерживал программы ухода и заботы. Но Дариан любил и лошадей отца, и свою птицу, и каждый вечер навещал их. Увидев его, Сезор радостно замаха крыльями и даже попытался что-то пропеть. Юноша лишь погладил его в задумчивости, и, набрав горсть злаков, поднес руку к его клюву. Птица, почувствовав настроение хозяина, стала медленно клевать корм. Примерно десять минут Дариан провел со своим любимцем, а лошадей в этот раз и вовсе оглядел мельком и отправился на вершину своей пирамиды.

Его дом был несколько меньше, чем у Миларов. Здесь чувствовался тонкий вкус, но не влечение к роскоши. Пирамида, также выстроенная из горного хрусталя и гранита, по программе меняла цвета. На ночь Лиски оставлял прозрачный верх, и Дариан, спавший там, любовался звездным небом. Внутренние стены дома также были отданы во власть обменника, и он разрисовывал их, ежедневно меняя изображения. Картины, что рисовал Дариан, не получали материального воплощения, а лишь появлялись и исчезали то в одной, то в другой комнате. Гранитный пол, покрытый толстыми коврами, имитировал белые облака. Пожалуй, некоторой блажью Дариана, он и сам так считал, был водопад, имеющий такую же высоту, что и пирамида, и начинающийся там, где располагался обменник.

Дариан поднялся на лифте на самый верх пирамиды, где почти у всех семейств лиловых находился круглый стол с висящей над ним сферой. Юноша опустил в кресло, стоявшее рядом со столом.

– Лиски, я хочу поговорить с тобой.

Сфера слегка покачалась в воздухе, открыла прозрачный экран, в котором показала большой глаз, и ответила:

– Да, Дариан, слушаю.

– Лиски, пожалуйста, прими человеческий облик.

– Конечно. Кого ты хочешь видеть перед собой?

Дариан задумался. Ему уже снова хотелось видеть перед собой Мару-Эль, но не хотелось разговаривать с ее обликом на тему, волнующую его. Потом он подумал о родителях, но Лиски перебил мысли человека.

– Дариан, самое лучшее для тебя на данный момент увидеть самого себя. Извини, что вмешался в ход твоих размышлений.

– Да, ты прав. К себе самому я отношусь строже всего. Прими мой облик, Лиски.

Сфера покружилась и плавно перетекла в кресло, стоявшее напротив Дариана. Юноша посмотрел на свое отражение. Густые, слегка волнистые, каштановые волосы мягко падали на плечи, глубокие светло-карие глаза смотрели твердо, но доброжелательно. Прямой, чуть длинный нос гармонировал с четко очерченными губами. Высокие скулы и правильный овал лица делали Дариана красивым мужчиной. У него, как и всех лиловых мужского пола, была стандартная фигура: широкие плечи, узкие бедра и стройные ноги.

– Спрашивай голосом, Дариан. Или я так и буду слушать мысли? – спросило отражение его голосом.

– Я провел удивительный день. Впрочем, ты все знаешь, зачем рассказывать. Для меня другое странно. Они мои соседи, а я впервые увидел их только сегодня. Да, расстояние не имеет никакого значения, но все-таки... Почему меня влечет к Мару-Эль? Я встречал много красивых женщин. Все лиловые восхитительны. Но мне никогда не хотелось быть с кем-то рядом навсегда после нескольких минут, проведенных вместе.

Лиски вздохнул.

– Сначала про Мару-Эль. Влечение объясняется на генетическом уровне. Ваши тела подходят друг другу...

– Лиски, – Дариан покачал головой, – я знаю это. И ты знаешь, что я знаю. Можешь сказать что-то еще? Я могу посмотреть гены Мару-Эль?

– Нет, Дариан. Информация о ее генетическом строении не внесена в обменник.

– Почему Милары почти не вносят информацию?

– К сожалению, не могу ответить на этот вопрос.

– Лиски, отчего так? Ты знаешь все о ней, о ее семье независимо от того, вносят они официально данные или нет, но не можешь мне рассказать.

– Дариан, дорогой, я всего лишь думающий и наблюдающий обменник информации. И я обязан уважать выбор каждого лилового. Конечно, я могу дать совет, но не более того, исходя из той информации, которой располагаю, думая о каждом лиловом. Да, я все знаю о них, и даже то, о чем сейчас думает Мару-Эль, но как я могу тебе это рассказывать, если она не желает делиться этим. Подразумеваю, официально.

– Хорошо. Расскажи мне внесенную информацию об их семье.

– Информация о дате рождения Мелонии не внесена. Ресэли семьдесят восемь лет, Мару-Эль двадцать три года, Рене девятнадцать. Не внесена ни одна генетическая карта членов семьи. В той пирамиде, которую ты видел, Милары живут двадцать пять лет. Все остальное ты знаешь: кто чем занимается, и кто что любит. Все то, что они сами внесли в базу моих данных.

– Очень мало. Они необщительны?

– Не могу дать оценку сравнения, так как не имею точки отсчета в данном вопросе.

– Прекрасно, – Дариан устало посмотрел на обменник, в его обличье свободно расположившийся в кресле. – Что ты можешь сказать о сферах, увиденных мной на дне озера?

– Им несколько тысяч лет, они созданы по проекту одного из предков Мелонии. И все. Это официальная информация на сегодня – лишь констатация факта, что они существуют. После купания в озере ты знаешь о них больше, чем остальные жители планеты, исключая семью Миларов, разумеется. Не хочешь поведать миру лиловых о свойствах сфер и о том, что ты испытал?

– Лиски... Если этого не захотели собственники и изобретатели, то как могу это сделать я? Вряд ли так будет этично с моей стороны, ты согласен со мной?

– На все твой выбор, и я уважаю его, – ответил обменник.

– Как с тобой бывает сложно, – вздохнул Дариан. – Скажи мне, то, что я видел в сфере, показывающей мое будущее...

Он помолчал и продолжил:

– Хорошо ли это?

– Дариан, у каждого свой путь и свое видение, что хорошо и что плохо. И тебе выбирать. Я не могу сделать за тебя тот или иной выбор. Но ты знаешь, иногда нужно взлететь, чтобы понять, где ты, а иногда упасть, чтобы вновь научиться летать. И хорошо это или плохо... Ты всегда идешь туда, где тебе нужно быть.

– Ты мне так и не ответил, почему я только сегодня познакомился с Мару-Эль, – Дариан чувствовал, что обменник уходит от основной темы разговора и не хочет делиться точными данными.

– Но ты ведь еще многим не интересуешься на этой планете. Значит, пришло время познакомиться с семьей Миларов. Наступит другой час, и ты откроешь другие секреты мироздания.

– Да, ты прав. А почему моя мама никогда не упоминала имя Ресэли... Впрочем, оставим это. Еще один вопрос. Я заметил, что Милары живут окруженные материей и программами,

на которые должно тратиться большое количество энергии, – Дариан вопросительно посмотрел на обменник.

Его двойник молча сидел в кресле, и тогда Дариан, понимая, что его мысли почему-то не хотят озвучить, продолжил:

– Уверен, одному обменнику такое не под силу. Что происходит у Миларов? Как один источник энергии может справляться? Что ты делаешь там? Я имею в виду, конечно, не тебя, а обменник Миларов, но ты что здесь, что там, ты же один и тот же. В этом доме я называю тебя Лиски, в доме Мару-Эль – Миларом, но сущность твоя не меняется. Ты везде один и тот же.

– Обменник Миларов синтезирует энергию в таких же количествах, что и другие, – ответил Лиски.

– Ммм... Но я не рискну просить у тебя такого изобилия возможностей, новшеств, материи, потому что ты не успеешь сделать так много, тебе необходимо время для переработки энергии.

– В мою официальную базу данных занесена информация о существовании на планете других возможностей синтеза энергии в целях последующего ее использования, – обменник посмотрел на Дариана и спросил: – Рассказать подробнее?

– Расскажи хотя бы об одном виде. А я думал, лишь ты являешься переработчиком и поставщиком энергии в мире. Ты прав, – Дариан рассмеялся, – я почти ничего не знаю.

– Недалеко от стены, разделяющей земли лиловых и оранжевых, на небольшом возвышении расположен круг, он начинает вращаться, если на него встанет человек. Возвышенность забирает энергию человека и трансформирует ее под свои цели. Такое часто можно встретить в менее развитых мирах. Но в нашем мире это редкость. Для заботы о человеке на этой планете был создан я. На мне лежит эта обязанность. Возвышенность создана для того, чтобы любой житель планеты, встав на нее и отдав часть энергии, смог почувствовать, какова жизнь там, где, к примеру, меня нет.

– На чьей земле круг? – заинтересовался Дариан. Он слушал рассказ, затаив дыхание.

– На земле лиловых. Оранжевые живут без меня, они имеют хорошее представление о том, как легко потерять энергию и как сложно ее добыть. Круг им не нужен.

– Я никогда не спрашивал у тебя... И хочу услышать ответ на вопросы...

Лиски, казалось, разглядывал глаза собеседника, тогда Дариан продолжил:

– Для чего на планете раса оранжевых? Почему они отличаются от нас по образу жизни, но в то же время мы и они – люди со схожими генетическими картами?

Лиски, неожиданно для Дариана, казалось, задумался, потом, немного растягивая слова, как иногда делал юноша, ответил:

– На этот вопрос ты сам найдешь ответ. На данный момент я ничем не могу тебе помочь. Возможно, позже...

– И правда, что бы я без тебя делал? – Дариан вздохнул. Он всегда чувствовал благодарность к обменнику, но сейчас был огорчен.

– Дариан, я обязан заботиться обо всех жителях и должен уважать выбор каждого даже в том случае, если мне в нем что-то не совсем нравится. И ответ на твой вопрос я не могу уместить в несколько предложений, – загадочно высказался обменник.

– Лиски, Лиски, как же жить? Ты везде на этой планете, ты знаешь, что происходит на ней каждую секунду, и даже сейчас ты знаешь, кто о чем думает, что делает. Откуда ты...

Обменник улыбнулся губами Дариана и ответил:

– Порождение разума. Я много раз говорил тебе об этом.

– Хорошо, хорошо, – Дариан почувствовал усталость, легкая сонливость подкрадывалась к нему. – Это твоих мыслей результат? – спросил он у обменника. – Я думал, что не смогу уснуть сегодня.

– Я обязан заботиться о твоём здоровье, – невозмутимо напомнил Лиски, – тебе необходим сон. Завтра я скажу, когда Милары будут готовы к встрече с тобой. Мару-Эль уже предупредила меня.

– Спокойной ночи, Лиски. Приятных трудов.

Дариан встал с кресла. Из стены выкатилась большая кровать, одежда на юноше растворилась в воздухе, и он почти без сил опустился на свое ложе, как всегда, устремив взгляд на звездное небо.

– Спасибо за все, Лиски. Я даже не представляю, как может выглядеть жизнь без тебя.

Сфера, уже повисшая в воздухе, нежно ответила:

– Тебе и не нужно представлять. Я всегда рядом. Спокойной ночи, Дариан.

Глава 4

Утром он проснулся с первыми лучами, упавшими на пирамиду. Через минуту аморфный принес воду и фрукты. Сфера безмолвовала.

– Еще не пора? – спросил ее Дариан.

– Нет. У тебя есть около двух часов.

– Что ж, поплаваю в океане, – несколько разочарованный таким ответом, Дариан попросил одежду.

Его окружило облако атомов и на нем появились шорты и майка.

– В эти часы самая лучшая для тебя вода в Белом океане, на побережье Высокой скалы. Разумеется, если пожелаешь, то можешь выбрать другое, – сказал Лиски.

– Благодарю, но нет. Если сегодня хорош Белый, значит, буду плавать в Белом. Незачем греть для меня другое место или, наоборот, охлаждать. Я берегу тебя, Лиски, – смеясь, заверил Дариан. – Кстати, вчера ты рассказал мне про круг, но так и не прояснил ситуацию с энергией у Миларов.

– Дариан, твоя мама тоже не вносила всю информацию, которой обладала и которой другие лиловые могли бы воспользоваться. И ты осведомлен об этом. Точно так же и другие люди имеют возможность вносить только то, что желают.

– Лиски, я просто любопытен. Да, знаю, возможность и выбор. Все люди имеют на это право, – вздохнул Дариан и, попрощавшись со сферой, вышел из комнаты.

В помещении телепорта он ввел координаты дома одного из своих друзей и оказался на берегу Белого океана. Час был ранний, и Дариан, не став никого будить в доме, сразу вышел на побережье. Немного поиграл с теплыми волнами, которые с нежностью накатывались на него, поговорил с людьми, вставшими пораньше, чтобы позаниматься спортом, и, окунувшись в чистейший водоем, поспешил в дом Миларов. Дариану не терпелось увидеть Мару-Эль, и вот он уже в подземной комнате телепорта.

Юноша взлетел по ступенькам, и перед ним предстала удивительная картина. Рядом с озером был возведен огромный аквариум. В нем плескались четыре дельфина, показывая Мару-Эль игры с геометрическими фигурами и напевая ей мелодии. Мару-Эль, сидя на летающей зеленой тарелке около самого верха аквариума, играла на дудочке. При приближении Дариана девушка обернулась и, отложив музыкальный инструмент, широко улыбнулась. Тарелка начала медленно спускаться.

– Доброе утро, Мару-Эль! – Дариан лучился счастьем, но не мог скрыть удивления. – Как Милар смог сделать такое за ночь?

– Здравствуй, Дариан. Это я помогла ему, – со смехом ответила Мару-Эль, – мы ведь оба с тобой любим воду. Но просмотрев карты, где бы мы могли поболтать с дельфинами и побыть наедине, я расстроилась, на сегодня такого места не было. Использовать виртуальность не захотела. И поэтому попросила аквариум. Не океан, но мы здесь вдвоем. Мама, папа и Рене на другом материке, в горах. Я закрыла телепорт, так что к нам никто не попадет, разве кто на лошади попытается, – последние слова Мару-Эль произнесла с теплотой, бархатно рассмеявшись.

– Мару-Эль, благодарю за такую заботу. Я только что с океана. У меня есть небольшое морское судно, можем покататься на нем.

– Прекрасно. В следующий раз ты пригласишь меня, и я с удовольствием соглашусь, а теперь наступай на тарелку, полетим вверх, поговорим с дельфинами. Не пропадать же трудам Милара, – весело уверила Мару-Эль.

Зеленый летающий сад доставил их к самой поверхности воды. Дельфины же, до этого спокойно слушавшие музыку, забеспокоились и заметались по аквариуму, когда пара захотела выйти на воду.

– Как странно... Что с ними? – удивился Дариан. Дельфины обожали его, и как только он погружался в воду, начинали играть с ним без приглашения. – Откуда они? – спросил он.

– С ближайшего от нас моря. Думаю, они слишком малы, потому так взволнованы, – девушка выглядела сконфуженно. – Возможно, чуть позже они станут более игривыми. Я снова начну исполнять мелодии.

Тарелка поднялась выше, и Мару-Эль заиграла. Дельфины успокоились. Дариан залюбовался девушкой. Теперь, когда люди были далеко, морские животные выпрыгивали из воды и танцевали под музыку. Сегодня Мару-Эль, казалось, была еще краше, чем вчера. Светлая лиловая кожа мягко светилась в утренних лучах Светила, волнистые волосы, собранные наверх, открывали идеальной формы уши. Брови, чуть темнее цвета волос, слегка сходились на переносице, когда Мару-Эль играла на дудочке. Нежный звук мелодии, разносившийся над аквариумом, пьянил Дариана. Но он понимал, что может слушать Мару-Эль часами, даже если бы она совсем не умела играть. Хотя она делала это прекрасно, с великолепным слухом и чувством ритма. Девушка взглянула на него и, оставив инструмент, сказала:

– Я исполняю произведения с трех лет. Милар учил меня. Потом показывал, как сочинять музыку и понимать, как рождаются волны для наших ушей при соприкосновении материи. Ведь музыка звучит всегда и везде, просто при привычном способе восприятия мы ее не слышим.

– Ты и пишешь, и исполняешь изумительно. Почему ты не вносишь свою музыку в обменник? Если бы я услышал ее, то уже давно бы познакомился с тобой.

– Я считаю, что моя игра обыкновенна. Но ты прав, я могла бы поделиться своим творчеством с другими семьями.

Дариан улыбнулся:

– Тогда, независимо от того, открыт или закрыт телепорт, здесь будут лиловые. И на птицах, и на лошадях.

Мару-Эль тоже улыбнулась.

– Сколько бы людей меня ни окружало, я всегда буду уделять время тебе, когда ты рядом со мной.

Она склонилась над водой, тарелка чуть опустилась вниз, и дельфины вновь заволновались.

– Не понимаю, что происходит, отчего они так пугливы. Значит, необходимо отправить их в родной дом, а так хотелось поплескаться с ними, – печально вздохнула Мару-Эль.

– Не огорчайся, когда будем в море, встретим много дельфинов, и, надеюсь, те будут более смелыми, – Дариан удивлялся, он никогда еще не встречал столь пугливых животных.

Мару-Эль попросила завтрак, и через минуту аморфные принесли накрытый стол. На нем в стеклянных тарелках красиво, в ряд, лежали материальные программы устриц, в прозрачных прямоугольных чашках – молоко трех видов. Фрукты и цветы, связанные между собой в виде улыбки, плавали в воздухе возле молодых людей.

– Я же обычно ем быстро, рядом с Лиски, там, где просыпаюсь, – сказал Дариан, улыбнувшись цветам и фруктам.

– Ты спишь рядом с обменником?

– Да. Вид звездного неба настраивает меня на крепкий сон. И вечерами я много разговариваю с Лиски.

– О чем ты говорил вчера?

– О тебе. Лиски сообщил, что тебе двадцать три года, и что все остальное, что внесено о тебе официально, я уже знаю.

– Что еще ты хочешь узнать обо мне?

– Все, что ты можешь рассказать.

Мару-Эль отпила молока и заговорила.

– Эта пирамида для моих родителей была построена двадцать пять лет тому назад, когда они поженились. Фамилия Милар идет по линии отца. Ты знаешь, сколько ему лет, про возраст матери я ничего не знаю, она его скрывает. Ты слышал, как они познакомились. Почему так мало о нас известно... Ммм... О папе все-таки много информации, особенно о его работах. Мама же не любит рассказывать о себе. Иногда она посещает людные места, но это скорее исключение. Ее сердцу милее всего эта земля, – она взмахнула рукой, описывая круг, – в нашей семье гости – редкость. Мы – я и Рене – в этом похожи на маму и также предпочитаем уединение. Однажды в городе молодежи мы с ней задержались на одну неделю, впрочем, ночевать возвращались в нашу пирамиду. Рене пробовала писать картины в группе, я составляла ей компанию. Мы чувствовали там себя прекрасно, нас окружали потрясающие люди, но в одно утро, когда Рене дописала очередную картину, решили, что останемся дома. Ты посещал город, Дариан?

– Да, был несколько раз. Хотя жил там недолго, как и вы. Подозреваю, что мне также приятен вкус уединения.

– Тогда ты понимаешь нас. Вот почему о нас мало информации в обменнике, вот почему мы живем уединенно. Некоторая роскошь, которая нас окружает, и то, что мы попытались собрать многие вещи под одной крышей, и сад отца, – все от того, что мы больше нигде не бываем. Нас приглашают, когда интересуются работами отца, когда выращивают внизу листья каштана, а наверху – яблоки, или за один месяц выращивают лес, закрывающий собой Светило. Но, как ты знаешь, Милар может объяснить так же, как и мой отец. Встречи происходят виртуально, где мы всего лишь через экран приветствуем лиловых, следующих научным инструкциям Ресэли Милара.

– Мару-Эль, мне показалось, что у тебя нет друзей?

– Мои друзья – моя семья, – с легким смехом вымолвила девушка, – мы знакомы со многими семьями, и иногда мы общаемся. Но все же близких друзей у нас нет.

– Но Мелония была очень рада видеть меня, когда я появился в вашем доме. И если бы такой рассказ я услышал от кого-нибудь другого, то я бы не поверил ему.

– Да. Если бы ты не появился у нас по счастливой случайности, то, наверное, моя мама появилась бы у тебя.

– Неужели?

Мару-Эль кивнула.

– Не только она. Вернее, она бы сопровождала папу.

Заметив озадаченное выражение лица юноши, она пояснила:

– Папа ознакомился с твоей генетической картой и очень заинтересовался ею. Я не занимаюсь генетикой, во всяком случае, на данном этапе жизни, поэтому не могу сказать, какие соединения атомов возбудили его любопытство. Могу предположить, что его вдохновил тот факт, что без предварительного отбора и планирования получился столь замечательный результат.

– В этом доме мне льстят со вчерашнего дня, – смутился Дариан.

– Или мой отец восхищен риском твоих родителей, не побоявшихся довериться случаю. Мои родители любят риск, но такое дело они не смогли бы доверить вероятности. И, возможно, хотели выразить свое восхищение. Однако из-за некоторого замешательства мой отец не решался появиться у дверей телепорта с вашим именем. Как помнишь, он был женихом твоей мамы.

– Да. Однако моя мама никогда не говорила об этом.

– Думаю, что у твоей мамы много секретов, она ведь занимается наукой.

– Да, у нее их много.

– И даже с тобой она не делилась ими?

– Нет, Мару-Эль. В моменты, когда мама занималась экспериментами, я задавал Лиски много-много вопросов, но ответы меня не удовлетворяли. Мне казалось, что мне приоткрывают дверь, но лишь чуть-чуть. И я никак не могу войти в нее, туда, где все находится в ярком свете понимания.

Мару-Эль вздохнула.

– Я находила информацию о том, что твоя мама смогла уменьшить наш мир, и мы не понимаем, где живем – в настоящем мире или уже в его уменьшенном варианте.

Дариан рассмеялся.

– Несколько часов назад Лиски твердил мне о праве выбора и о свободе возможностей. И чудесно, что мы обладаем ими. Но в нас записана и другая программа – не причинять вреда друг другу, так что в данном контексте мы лишены свободы. А насчет того, где мы сейчас живем, в уменьшенном мире или в обыкновенном, я не знаю. Но в любом случае, мама не могла ничего сделать во вред.

Мару-Эль задумалась.

– Конечно, ты прав. Все лиловые устроены подобным образом. И это счастье, если принять во внимание то, как живут оранжевые. Они не умеют запланировать личность человека заранее, и, видимо, поэтому в их душах, жизнях и землях царят неразбериха и хаос.

– Да... – Дариан не хотел говорить об оранжевых. Вокруг, в его мире, только прекрасное, а другие люди... И почему Лиски сказал, что Дариан должен сам понять, почему оранжевые тоже живут здесь...

– Что-то мы плохо едим, – слегка обеспокоилась Мару-Эль, – и лишь говорим. И ты огорчился. Давай оставим размышления.

– Все хорошо, – ответил Дариан и, взяв тонкую вилку, посмотрел на устриц, их было четыре. Рядом на маленьком блюде лежали дольки лимона, в прямоугольной чаше блестела прозрачная вода. Он отложил вилку, помыл руки, но аппетит пропал совсем. Он умолчал об одном факте. Ему не хотелось лгать, да он и не лгал, говоря, что не знает, в каком мире живет. Но он знал, что мама может уменьшить реальность, сжать ее без потери свойств материи. Но свое открытие мама не внесла в обменник, поэтому он посчитал, что лучше не рассказывать об этом никому, даже Мару-Эль. Но отчего-то чувствовал себя предателем. По сути, изобретение мамы не имело особой ценности для лиловых. Что и зачем уменьшать в этом мире, если куда угодно можно попасть за минуты?

Дариан воспринимал изобретения мамы как игрушки. Маме нравились ее занятия, и это было ее дело. Но сейчас он задумался о том, почему шарик размером чуть меньше его кулака, который может спрятать в себе целую планету, так и остался лежать в маминой лаборатории, никому не показанный. О факте его существования было сказано всего один раз, как раз в том семейном фильме, который был внесен в официальную базу обменника. И Мару-Эль это запомнила. Должно быть, Милары очень интересовались работами мамы, если обратили внимание на такую мелочь.

Звонко пели похожие на стрекоз маленькие птички. Ярко-оранжевый апельсин подлетел к лиловому. Дариан оторвал его от венка и медленно освободил от кожуры. Мару-Эль внимательно наблюдала за ним, он улыбнулся и протянул ей плод.

– Какие планы у нас на сегодня? – отламывая дольку апельсина, спросила Мару-Эль.

– Любые, какие пожелаешь.

Дневное Светило нежно грело их тела. Дариану казалось, что он знает Мару-Эль и живет с ней несколько десятилетий. Черты ее лица четко врезались в его память, и он мог, не видя девушку, изваять ее бюст.

– Можем посмотреть информацию о животных, которые не живут на нашей планете, или погуляем по лесу? – вопросительно посмотрела на него Мару-Эль.

– Погуляем по лесу.

Тарелка плавно опустилась на землю. Они мягко ступили на зеленую траву, аморфный привел лошадей, одна из которых была Дариана. Он подал руку Мару-Эль, и она легко вскочила в седло. Ее серо-белая лошадь взмахнула шелковистой гривой и пустилась галопом. Юноша последовал за ней. Ласковый ветер мягко дул навстречу, пение озерного хора еще долго звучало вдалеке. Он начал догонять Мару-Эль.

– Куда мы? – спросил он.

– Здесь неподалеку сплетена потрясающих размеров паутина. Мы с Рене обожаем лазать по ней. Ты был там? – и, дождавшись утвердительного ответа, Мару-Эль продолжила рассказ: – А пробовал вальсировать на ней?

– Да, давно, – Дариан воскресил в памяти события шестилетней давности, как они танцевали всей семьей, и на душе стало еще теплее. Через минуту молодые люди прибыли на место.

– Попробуем снова! – воскликнула девушка и, оставив лошадь, побежала к прозрачной паутине, которая, казалось, была сплетена пауком-гигантом.

Дариан догнал спутницу и, приподняв, посадил на крепкие, как огромные канаты, нити. Она, цепляясь за них, поползла наверх, карабкаясь ловко и изысканно, как кошка. Дариан запрыгнул внутрь паутины и попытался последовать ее примеру, но тут же мягко скатился вниз, в самый центр. Мару-Эль уже была на самом верху чудо-вязки, но, взглянув на барахтающегося внизу Дариана, отпустила руки и полетела к нему. Она упала прямо на юношу. Он обхватил ее за талию, и их несколько раз подбросило вверх.

– Какие сильные руки!.. Ты не отпустил меня, даже когда это было почти невозможно не сделать, – Мару-Эль нежно посмотрела ему в глаза.

– В моих генах присутствуют коды надежности и ответственности, – улыбаясь, ответил Дариан, не выпуская ее из своих объятий.

Мару-Эль же не хотела вставать и продолжала рассматривать его глаза и лицо. Указательным пальцем она провела по его носу и губам, и Дариан, не сдержавшись, поцеловал ее. Паутина еще раз мягко покачала их из стороны в сторону и остановилась.

– Потанцуем? – Мару-Эль немного смутилась от поцелуя.

– Конечно, – Дариан осторожно, не отпуская ее, встал.

Под музыку леса они медленно закружились в танце, скользя по удивительным нитям. Паутина подбрасывала их вверх, и падение кружило им голову. Вальсируя то в одну, то в другую сторону, пара всегда оказывалась в центре, как будто все нити танцевали вместе с ними. Дариана охватило счастье. Ему казалось, что он встретил человека, который дополняет невидимые грани его души так изящно, нежно и вместе с тем конструктивно, что это невозможно понять логически. Возможно, эти чувства вызвала любовь к музыке и воде, но Дариан сейчас не думал ни о чем. Хотелось бесконечно танцевать на качающейся во все стороны паутине. Он забыл о времени и неожиданно заметил, что Светило стоит в самой верхней точке неба, а Мару-Эль устало положила голову на его плечо. Он остановился, паутина замерла, и Дариан, взяв девушку на руки, спустился на землю.

– Благодарю. Еще чуть-чуть, и я бы сама сплела паутину. Мне почудилось, что мы два паука, – Мару-Эль выглядела утомленной.

– Я заставил тебя танцевать слишком долго? – встревожился Дариан, – или ты плохо спала ночью, и Милар не мог успокоить тебя? Ах, я совсем забыл, ты говорила, что помогала обменнику строить аквариум. Но это же была шутка, не так ли, Мару-Эль? – Дариан продолжал заботливо держать ее на руках, и немного засомневался в своем чувстве юмора.

– Конечно, шутка, – ответ прозвучал бодро, – Милар лишь отключился от остальных будничных заданий. Все аморфные замерли, фонтаны, летающие тарелки уснули, невесомость исчезла. Неужели ты никогда не делал так в своем доме?

– Нет, – Дариан на мгновение задумался, – мы никогда не тратили энергию обменника на материю в больших количествах за такой небольшой промежуток времени. Сфера иногда

погружается в отдых, но полностью никогда ничего не замирает. Много энергии Лиски тратил лишь на опыты моей мамы. Все остальные затраты минимизированы. И если я замечаю, что программы чуть перегружены, а мне необходимы физические упражнения, то сам чищу лошадей.

Сказанное развеселило Мару-Эль, и она игриво ответила:

– Я тоже попробую сегодня. Надеюсь, Милар даст мне необходимые советы.

Дариан рассмеялся, заметив выражение ее лица – смиренно вдумчивое, и заверил:

– Я помогу тебе, мы управимся быстро. Милар будет доволен.

– Тогда вернемся домой.

– Да. Пожалуйста, пообещай мне, что в приоритете энергия обменника будет тратиться на людей, а уже потом на материальные объекты.

– Обещаю, Дариан. Ты прав, я плохо спала ночь, и Милар не мог мне помочь, так как был занят строительством и телепортацией, и вот результат – меня закружила паутина.

Дариан посадил Мару-Эль на лошадь, и за разговорами они неспешно добрались до пирамиды. Дариан узнал, что вся семья любит скалолазание и обожает кошек. Мару-Эль хотела показать свою фаворитку, и, оказавшись на территории владений Миларов, они зашли посмотреть прыгучих созданий. Кошки и в самом деле были прекрасны, хотя Дариан и был к ним практически равнодушен, но должен быть признать, что эти отличались невообразимой грацией и человечностью. «Не обошлось без опытов Ресэли», – подумал юноша, взяв на руки необыкновенно крупную кошку с понимающим добрым взглядом. Она лизнула ему руку и потерялась о его шею.

– Мару-Эль, у тебя повышенный уровень усталости, о чем я сказал тебе еще утром, но ты сделала выбор проигнорировать мои слова, – внезапно раздался голос обменника. – Сейчас я могу предложить тебе либо сон, либо восстанавливающий раствор. Разумеется, сон будет лучшим выбором.

Мару-Эль вопросительно посмотрела на Дариана.

– Сон, Мару-Эль. Я буду ждать тебя столько, сколько будет необходимо. Я никуда не тороплюсь и познакомлюсь с твоим домом получше, – Дариан заметно беспокоился о девушке, не понимая, что могло привести ее мозг в такое состояние.

– Хорошо, если и ты мне это советуешь, то я исчезну на три часа.

Они вошли внутрь пирамиды. Мару-Эль попросила открыть телепорт для родителей и, одарив Дариана незабываемым взглядом, встала на лестницу, и та унесла ее наверх.

Глава 5

Дариан остался один. Тихо напевали фонтаны, величественные лебеди гордо плавали по бассейну, зелено-красные попугаи порхали по всему залу, дул легкий ветерок. Юноша долго и тщательно рассматривал мозаику и скульптуру. Каждый камешек был тщательно обработан, не только цвета, но и их оттенки располагались именно в том порядке, который необходим, чтобы максимально радовать глаз. Статуи прекрасных золотых дев тянули руки вверх, а небо над их головами меняло свой облик: со звездного до ярко-синего, с причудливыми кремовыми облаками

Вдоволь насмотревшись на каменную красоту, он спросил:

– Милар, в какую сторону мне идти? Пирамида настолько огромна, что без тебя я могу заблудиться.

– Ты уже не успеешь. Остальные члены семьи через две минуты будут здесь.

Слова вызвали у Дариана улыбку, и он направился в сторону входных дверей. Вскоре они отворились, и легким шагом вошли Мелония и Рене. Легкие фиолетовые одежды плотно облегали их тела, лица светились радостью. Казалось, они не идут, а летят.

– Добрый день, Мелония, Рене, – поприветствовал их Дариан.

– Здравствуй, дорогой гость! – воскликнула Мелония, и вслед за ней это же, словно эхо, повторила Рене.

– А где же Мару-Эль? Как она могла оставить тебя в одиночестве? – удивилась Мелония.

– Милар посоветовал Мару-Эль отдых. И я в одиночестве очень недолго, да и в вашем доме заскучать невозможно.

– Лестно слышать, Дариан. Но что же произошло с Мару-Эль? – спросила Рене, чуть смутившись.

Юноша не успел ответить, так как обменник вновь повторил слова, сказанные ранее Мару-Эль, и предложил сон и ванну Мелонии и Рене. Они же рассмеялись, уверяя Милара, что чувствуют себя восхитительно.

– И все же я настаиваю на пополнении сил, – убеждал обменник.

– Милар, у нас гость, а мы должны разойтись по другим комнатам? – удивилась Рене.

– Ресэли в прекрасном состоянии, он останется с Дарианом, – уверила сфера.

Пожав плечами и вздохнув, девушки на короткое время попрощались с Дарианом и покинули зал. Но уже через секунду туда вошел Ресэли. В отличие от жены и дочери, весь его вид говорил о внутреннем и внешнем спокойствии. Увидев Дариана, он широко улыбнулся.

– Ресэли, всем женщинам был необходим сон, – предвосхищая вопросы, сказал обменник.

– Хорошо, – не вдаваясь в подробности, кивнул Ресэли, – тогда у нас с Дарианом есть время на разговор. Но вначале, пожалуйста, обед.

Они покинули пирамиду, и Ресэли направился в беседку, где они обедали вчера. Стол уже был накрыт, пахло запеченной рыбой и цитрусовыми. Беседка полетела к озеру и, остановившись посередине его, замерла.

Ресэли с удовольствием принялся за обед. Дариан последовал его примеру. Программа запеченной форели, обсыпанной укропом, в белом сырном соусе была восхитительна. У Ресэли, как и вчера, аппетит был отменный. Когда с рыбой было покончено, Дариан задал вопрос:

– Ресэли, Мару-Эль сказала о моей генетической карте. Что так заинтересовало вас в ней? Могу я узнать об этом?

– Да, разумеется, – омывая руки в чаше, ответил его собеседник и, пристально посмотрев на юношу, начал говорить.

– На нашей планете происходит смена поколений. Когда-то давно мы были несколько другими. Мы меняемся незаметно, если иметь в виду лишь столетия, но если ты обратишь внимание на тысячелетия, заметишь, что изменения огромны. Конечно, человек из прошлого и наш современник способны получить потомство, но все-таки мутации, прошедшие через годы, очень важны. И в последнее время, как ты знаешь, никто не хочет рисковать, и каждая клетка, что будет в будущем организме, уже просчитана. Люди не любят мутации, потому что мы уже идеальны. И любая незапланированная мутация может все испортить. Разве кто-нибудь хочет стареть или не иметь какой-либо части тела или органа? Впрочем, последнее было редкостью даже в прошлом, но никто не был застрахован от таких событий. Я думаю, ты видел фильмы.

Дариан утвердительно кивнул.

– Да, каждый лиловый знает историю, – продолжил Ресэли, – но твои родители пошли на риск и не стали планировать тебя. Я в восхищении! Очевидно, что в далеком прошлом у лиловых, как и сейчас у оранжевых, никто ничего не рассчитывал. Но в наши дни ты не встретишь семью лиловых, которая пустила бы такое важное дело на самотек. Ты ведь мог получить совсем не таким прекрасным.

Ресэли подвинул к себе тарелку с программой розовых ягод и, залив их молоком, вновь заговорил:

– В сущности, в твоей цепочке молекул для меня наиболее интересно то, что так называемые идеальные признаки закреплены и уже будут передаваться из поколения в поколение без отбора. Но все же... Клетки лиловых программируют таким образом, чтобы они, за редким исключением, не исчезали, а бесконечно омолаживались, не теряя при этом генетической информации. И в тебе заложено омоложение, но ты можешь изменяться. Твои клетки могут меняться. В тебе нет механизма, который может остановить это. И больше таких людей среди лиловых я не видел. Во всяком случае, среди тех генетических данных, которые официально занесены в обменник. Поэтому мне хотелось увидеть тебя.

Дариан чуть смутился, эта способность его клеток не казалась ему тем, на чем можно сконцентрировать внимание и чему придавать смысл.

– И это все? – несколько растерянно спросил он.

– Нет. Есть еще одно свойство. Как ты знаешь, черты характера, нравственное развитие также кодируются. И лиловые, как ты понимаешь, выбирают самое лучшее. Для тебя ничего не выбирали, и у тебя есть свобода.

– Что вы хотите этим сказать?

– У тебя есть выбор. Например, в отличие от лилового, в которого заложена честность, и который будет честен всегда, у тебя, в зависимости от ситуации, будет возможность – быть честным или лукавить.

– Про какие ситуации вы говорите, Ресэли? Зачем лукавить в этом мире?

И тут он вспомнил про недавний разговор с Мару-Эль и о том, как умолчал про уменьшенный мир. И в этот момент понял, что другой лиловый на его месте рассказал бы все, что знал, ведь и скрывать было нечего. Но почему мама не показывала тот шарик, подумал он, и внутри как будто что-то защемило. Но, с другой стороны, даже если честность и закодирована, обменник всегда повторяет о свободе выбора. Следовательно, любой человек может промолчать, если имеет такое желание. Но почему-то его собственные аргументы не казались ему убедительными.

– Да, ты прав, возможно, это лишнее, – перебил мысленный монолог юноши Ресэли. – Таким выбором необходимо обладать, живя с оранжевыми. Но мы там не живем. Я же просто рассказал тебе то, о чем ты меня спросил.

– Спасибо за ответ, Ресэли. Теперь я знаю, что может со мной произойти при неблагоприятном стечении обстоятельств.

– Дариан, скверных обстоятельств у нас, благодаря обменнику, не бывает. С моей точки зрения, у тебя в нашей реальности свободы выбора гораздо больше, чем у остальных лиловых, – Ресэли улыбнулся и, взглянув на материальную программу молока с ягодами, продолжил:

– В этой тарелке может быть столько же миров, сколько и во Вселенной, которую, как нам кажется, видим мы. Но и в этой тарелке, и в нашей Вселенной самым главным является свобода выбора. Чем больше у тебя выбора, тем больше свободы в любой точке. А что может сравниться с этим?

– Вы правы. Но, возможно, есть вещи, на которые в нашем мире сложно смотреть, исходя только из данной парадигмы. У нас есть любовь, семья, дети, друзья.

Ресэли посмотрел вдаль и, задумавшись на мгновение, сказал:

– Да, эти вещи, без сомнения, имеют огромную ценность для нас.

Остаток обеда они провели в молчании. Дариан хотел говорить о Мару-Эль, но, видя, что Ресэли поглощен своими мыслями и десертом, сдержал себя. Только когда беседка привезла их в сад, и они миновали лестницу к пирамиде, Ресэли спросил:

– Как вы с Мару-Эль провели утро?

– Чудесно. Я безмерно счастлив, что вчера оказался в лесу и познакомился с вашей дочерью.

– Вы с ней похожи и в то же время такие разные. Мне бы хотелось, чтобы вы общались, потому что вы будете давать друг другу много интересной информации.

– Я полностью вас поддерживаю, – с улыбкой заверил Дариан.

– Наш дом всегда открыт для тебя, – Ресэли был искренен. Хотя ведь все лиловые говорили только то, что хотели, так как это было заложено в их генах.

Глава 6

Так пролетело несколько месяцев. Каждый день Дариан проводил с Мару-Эль. И каждый день запоминался как счастье. Для Дариана это было волшебством, сладким сном, из которого не хотелось выходить. Он видел, что Мару-Эль испытывает те же чувства. Ему не хотелось расставаться с ней даже на ночь, но девушка, как он сразу подметил, любила спать по утрам. И потому как только сгущались краски неба и вырисовывались звезды, он уходил из дома Миларов.

Когда он возвращался в свою пирамиду, Лиски каждый раз просил его отдохнуть, но Дариан не всегда следовал его совету. Он играл на музыкальных инструментах или рисовал картины, не чувствуя усталости, предполагая все же, что обменник чем-то подпитывал его организм. Молодой человек упал в любовь, даже провалился, пребывая в восторге от этого состояния. Лишь однажды он испытал странное чувство, для которого сложно было подобрать слова. И мысленно он несколько раз возвращался к той истории.

Они путешествовали с Мару-Эль на Сезоре. Птица летела низко над землей, и они видели все, что происходило на ней: наблюдали кроликов, бегающих по вечнозеленым полянам, ланей, пьющих воду из синей реки, холмики, покрытые стихами из цветов. Мару-Эль ловила свет и рисовала им на открытой местности. Климат на их материке был прекрасен. Мягкие лучи Светила ласкали мир, не обжигая его. Смена времен года отсутствовала. Изредка лиловые зазывали над своим домом снег или ливневый дождь, но все же предпочитали лучшее из всего, что давал мир.

– Мне бы хотелось лететь выше, – попросила Мару-Эль, вопросительно взглянув на Дариана.

Он согласился, и в его руках Сезор набирал высоту, земля стремительно отдалялась. Воздух стал чуть прохладнее, и они хотели немного спуститься и повернуть обратно, как вдруг с Мару-Эль упало кольцо. Дариан почувствовал, что она огорчилась, и направил Сезора вниз, в то место, куда, как казалось, упала драгоценность. Когда земля приблизилась, он понял, что они находятся на территории оранжевых. Сезор приземлился недалеко от их домиков. Людей вокруг них было много, около сотни. Но причин для беспокойства не возникало: оранжевые никогда не трогали лиловых. Дариан видел фильмы, в которых люди испытывали страх, хотя сам не ведал такого чувства. Но он предполагал, что оранжевые не предпринимают никаких действий по отношению к лиловым, когда те появляются на их территории, как раз потому, что испытывают страх. Ему стало неловко.

Человек двадцать окружили Сезора плотным кольцом. Оранжевые рассматривали молодых людей с птицей как диковинку, не издавая ни звука. Они были откровенно некрасивы, и Дариан подумал, что его глаза не видели зрелища хуже, чем это. Пропорции оранжевых были далеки от идеальных. Почти у всех женщин и мужчин выделялся живот, некоторые сильно сутулились, другие отличались худобой или, наоборот, излишним весом. Черты их лиц – в большинстве своем крупные и грубые – делали их выражения жестокими и одновременно чуть глуповатыми. Оранжевая кожа выглядела уставшей и замученной, местами обветренной, у многих людей ярко вырисовывались морщины.

«Как нелепо было оказаться здесь, – подумал Дариан, – но поздно рассуждать об этом, нужно найти кольцо как можно быстрее». И он обратился к оранжевым:

– Я прошу прощения за то, что оказался на вашей земле без предупреждения.

Люди не выказали никаких эмоций и не произнесли ни слова. Дариан продолжил:

– Мы потеряли металлическое кольцо с разноцветными камнями. Оно упало где-то в этой местности. Кто-нибудь видел его?

Оранжевые все так же молча и мрачно смотрели на него. Тут Мару-Эль воскликнула:

– Дариан, я вижу его! – и она показала рукой в сторону трехэтажного домика, где трое оранжевых толкали друг друга, а крупное украшение являлось предметом их раздора.

Дариан направился к ним. Две женщины в грязных потрепанных одеждах и хилый, будто сморщенный, мужчина пытались завладеть камнями, тщетно борясь между собой. Каждый из трех, одной рукой ухватившись за колье, другой лупил соперников. Зрелище вызвало у Дариана тошноту.

– Господа, прошу вас прекратить! Колье принадлежит даме, которая стоит рядом с птицей, и вам надлежит вернуть его ей.

Оранжевые прекратили махать руками, но никто не выпустил из своих рук драгоценность. Некоторое время они молча смотрели на него пустыми глазами. Неожиданно одна из женщин опустилась на землю и заплакала.

– Лиловый юноша, оставь это нам. Я поменяю камни на одежду. Видишь, какие на мне лохмотья, скоро они окончательно порвутся, и я буду ходить голой. Оставь, у вас много таких камней.

Женщина выглядела отталкивающе, длинное бесформенное серое платье скрывало фигуру, кожа на лице обвисла. Руки, державшие до этого украшение, пугали своей формой и цветом, темные нечесанные волосы неряшливо падали на плечи.

Дариан почувствовал острую жалость и обернулся к Мару-Эль. Однако в ее глазах он не нашел такого же чувства: Мару-Эль разглядывала женщину без сострадания. И все-таки он подумал, что ошибся.

– Мару-Эль, может быть, оставим это колье им, поделим его между людьми. Я попрошу Лиски, и на следующий день у тебя будет точно такое же, – предложил он, надеясь на то, что Мару-Эль поддержит его, и они как можно скорее покинут это ужасное место.

– Дариан, – Мару-Эль говорила очень нежно, – мне жаль, но камни не мои, а Рене, она нарисовала их, а Милар воспроизвел материю. И вечером она может спросить о них. И что же я отвечу?

Дариан почувствовал неловкость, он не знал, что делать в такой ситуации. Двое оранжевых все еще не выпускали колье из рук, а женщина, не поднимаясь, плакала. Он вспомнил, что его шею обвивает сапфировая цепочка, на каждый камень которой нанесены картинки из его детства. Дариан расстегнул ворот своего платья и, сняв с себя сапфиры, разорвал цепь на три части. Скрывая отвращение даже от самого себя, он протянул руку женщине, упавшей у его ног, помог ей подняться и вручил одну из трех частей. Потом он подошел к другим и, мягко разомкнув их руки, взял колье, взамен отдав сапфиры. Все трое выразили бурную радость. Остальные оранжевые стали понемногу расходиться.

Дариан протянул украшение Мару-Эль, девушка же пребывала в растерянности.

– Зачем ты отдал им сапфиры? Я знаю, что они дороги тебе. Ты же мог просто взять колье, и они отдали бы его без сопротивления.

– Мне было жаль их, – Дариан старался заглушить в себе странные мысли и чувства.

Мару-Эль закрыла глаза.

– Мне неудобно, Дариан, я не могла предположить, что ты так поступишь.

– Не переживай. Со временем обменник сделает новую цепь, – смог лишь вымолвить он. Ему не жаль было того, что он отдал, но он был расстроен тем, что Мару-Эль не понимает его. И некоторая предрасположенность девушки к обладанию и собственности показалось ему в ту минуту неприятной.

Это был единственный раз, когда Дарианом овладело смятение. Вечером того дня он мучил Лиски вопросами о своих чувствах, но обменник почти ничего не сказал. А на следующий день юноша вновь был счастлив. Они купались в горячих водах, говорили о картинах и о море, прыгали на птице из сада Ресэли. И событие, произошедшее на земле оранжевых, утратило окраску смятения. Лишь иногда, замечая, сколько энергии тратится у Миларов

на материальное воплощение их идей и стремление к некоторой вычурности, он вспоминал оранжевых и те слова Мару-Эль. Но он был влюблен, и неприятный эпизод не мог изменить этого.

Глава 7

Однажды проснувшись, Дариан, наконец, почувствовал уверенность в том, что хочет воплотить в реальность те картины, что показывала ему на дне озера сфера будущего. И только эти, так как никаких других он уже не желал. Все свои годы он будет проводить с Мару-Эль и ни с кем другим.

– Лиски, ты знаешь, о чем я думаю, – Дариан лежал на кровати и смотрел в открытое голубое небо. В нем порхали птицы, звенели колокола и танцевали аморфные.

– Да, конечно, – сразу же отозвался обменник.

– Как мне поступить? Родители в путешествии и вернутся, думаю, через несколько лет. Я же хочу сделать предложение сегодня.

Сфера безмолвствовала.

– Считаю, что должен попробовать, – продолжил юноша, посмотрев на обменник.

– Да, Дариан. Я могу сказать, что все будут рады твоему предложению. Никто этого не скрывает, – наконец заговорил Лиски.

– Хорошо, – радостно выдохнул Дариан. – Кто может быть для меня лучше, чем Мару-Эль? И Милары знают об этом.

– На все твой выбор. Если ты думаешь и чувствуешь, что хочешь жениться на Мару-Эль, женись. Не моя задача решать за тебя такие вопросы.

– Лиски, не отдаляйся от меня. Скажи, что думаешь, как если бы был человеком.

– Увы, Дариан, я не могу ничего тебе посоветовать, потому что у меня другое видение мира. И невозможно в настоящий момент сказать, что для тебя прекрасно, а что не совсем прекрасно. Для лиловых «все плохо» бывает крайне редко, на этой планете плохо – прерогатива оранжевых.

– Что ж... Тогда сообщи Миларам о моем решении, и как ты мне уже сказал, они будут рады. Мне – фрак, лошадь. Друзьям разослать приглашения. Через три часа, надеюсь, ты официально объявишь о создании новой семьи.

– Да, все будет сделано, как ты хочешь, – ответила сфера.

Чистая вода омыла юношу, и через мгновение на Дариане уже был длинный белый фрак. Сфера, став зеркалом, показала ему его отражение.

– Жаль, что рядом нет родителей. И останется только запись в твоих архивах нашей семьи, – Дариан почти не видел своего отражения, представляя себе Мару-Эль в свадебном наряде.

– Милары поздравляют тебя и Мару-Эль. Через час они будут готовы. Друзья получили приглашения, на церемонию придут все. Твоя лошадь готова, – сфера недолго помолчала, а потом добавила: – Через три часа я объявлю о создании вашей семьи.

– Благодарю, Лиски. Я ничего не сказал о том, где мы будем жить с Мару-Эль до тех пор, пока не будет построена наша пирамида, и ты тоже промолчал. Остаться здесь или в доме Миларов? – уже стоя у двери, спросил Дариан.

– Лучше будет в доме Миларов, но это мое мнение, – ответил Лиски после недолгой паузы. – Ты можешь принять другое решение.

– Я прислушаюсь к тебе, – с улыбкой заверил Дариан.

На выходе из пирамиды его ждала гнедая лошадь, украшенная цветами для церемонии. Через несколько минут из телепорта стали выходить его друзья. Девушки и юноши в темно-лиловых и белых одеждах поздравляли его. Лишь немногие из них были знакомы с Мару-Эль. Через полчаса компания на лошадях из конюшни отца Дариана, тронулась в путь к дому Миларов. Далее картины, которые увидел Дариан в сфере будущего, превратились в реальность. Небо озарилось сиянием, засверкал лес, зазвучала музыка, в корзине с цветами, аромат кото-

рых заполнил пространство, появилась Мару-Эль. У Дариана от переполнявшей его радости закружилась голова, он приблизился к Мару-Эль и, открыв небольшую дверцу из плетеных ветвей, встал рядом с ней.

– Дариан, я счастлива! – она прижалась к нему всем телом, и юноша нежно обнял ее. – Родители и Рене ждут нас наверху.

Их транспорт медленно поднимался к небесам. Прибывшая за друзьями синяя тарелка с сиденьями в виде яблок, следовала за женихом и невестой.

Звучали волны космоса, переведенные в частоту, которую улавливало человеческое ухо. В облаках, на самой высокой горе этого материка, звучала музыка, подобная звону тысячи колокольчиков, шуму полета стрекозы, топоту стада бизонов. Свадебный кортеж приземлился на вершине горы, здесь их встречали Милары. Утонувшие в легком тумане и вибрациях волшебных звуков, они показались Дариану незнакомыми людьми из других миров. Родители, согласно обычаю, надели золотистые треугольные платья до пят, а Рене выглядела, как ее сестра, не хватало лишь короны. Дариан поклонился им, и они поклонились в ответ. Друзья поочередно поздравляли Мару-Эль и ее семью. Потом все расселись на мягкие ковры душистых трав и, не произнося больше ни слова, слушали волны, что дарили бесконечную безмятежность. Неуловимая легкая струящаяся и все время меняющаяся мелодия радовала тело. Когда все стихло, над ними появился обменник. Сфера приняла образ красивой женщины и начала церемонию.

– Мару-Эль и Дариан, я здесь, потому что на то был ваш выбор. И должна вас спросить, – красавица сложила руки на груди и продолжила: – Согласны ли вы быть друг с другом и принимать события, происходящие с вами и вашей семьей, до самого конца путешествия в этом мире?

– Да, согласны, – ответили молодые люди.

– Прекрасно, – улыбнулась ведущая церемонии бракосочетания, – я объявляю о создании вашей семьи, и с этого момента данная информация доступна каждому лиловому на планете. В знак вашего соединения я дарю вам мгновенный телепорт. Теперь каждый из вас может в секунды оказаться рядом с другим, где бы он ни находился.

Женщина протянула молодоженам два розовых тетраэдра, поблагодарила всех лиловых за внимание и исчезла.

Все захлопали в ладоши, снова зазвучала музыка. Дариан и Мару-Эль объявили танцы.

– Я немного удивлена, – Мару-Эль, глядя в глаза Дариана, светилась радостью, – вчера ты ничего не говорил мне о свадьбе, а сегодня мы новая семья. Все очень быстро.

– Разве время имеет значение? – спросил Дариан.

Они медленно кружились в танце, не замечая никого и ничего вокруг.

– Нет, время не имеет значения для нас, – чуть подумав, ответила его жена.

Тетраэдры на витых белых лентах на шеях новобрачных, светясь, отражали свет. Дариан видел свою голограмму в тетраэдре Мару-Эль и сердце его переполнялось волнами счастья. Мару-Эль, заметив его взгляд, сказала:

– Ты всегда в моих мыслях, дорогой. А помощь тетраэдра для нас, надеюсь, будет редкостью.

Она посмотрела на собственное трехмерное изображение в телепорте Дариана и добавила:

– Я всегда буду рядом. Ведь что весь наш мир? – она вопросительно подняла красивые брови, а потом ответила сама: – Одна большая голограмма, и знаю, что ты везде сможешь найти меня.

Глава 8

Так прошло полгода – полгода, ярко раскрашенных красками счастья и любви Дариана. Конечно, лиловые никогда не были несчастливы. Плохие мысли, дурные привычки, уныние или печаль не свойственны лиловой расе. Люди обладали ровным, спокойным темпераментом, и причин для печали у них не существовало. Обменник мог разрешить почти любую задачу, что он незамедлительно и делал. Лиловые пребывали в состоянии умиротворения и радости. Однако жизнь Дариана будто удвоила свою палитру цвета и чувств. Он купался в океане любви. Мару-Эль будто читала его мысли и желания, даря нежность и ласку. Хотя он осознавал, что его жена, как и кошки, любит свободу, и лишь ради него делает вещи, которые бы не делала, если бы жила без него. Она не любила жить вблизи от обменника, но теперь спала там, рядом с Дарианом. Иногда он чувствовал, что мыслями Мару-Эль очень далеко, хотя использовать розовый тетраэдр им не приходилось. Они почти все время были вместе. Исключением являлось утро. Как и раньше замечал Дариан, Мару-Эль любила спать в это время суток. И несмотря ни на какие свои ухищрения, она не могла избавиться от такой особенности. И когда муж просыпался, его жена крепко спала на светлых простынях. Дариан мог долго любоваться ей, но желание двигаться брало верх, и он вставал с кровати. Недалеко от пирамиды Миларов для молодоженов строился новый дом – такой же большой. Дариан испытывал неловкость, наблюдая за грандиозной стройкой, он не хотел жить в таком лабиринте комнат, но Мару-Эль убедила его в том, что она привыкла к лабиринту, и будет чувствовать себя уютно в небольшом строении. Дариан согласился.

Строительство шло вот уже несколько месяцев. Обменнику оставалось достроить верх и синтезировать подобное себе создание, через месяц Милар обещал новоселье. Каждое утро Дариан наблюдал, как аморфные скользили по воздуху, выполняя программу, воздвигая величественную пирамиду. Она была копией родительского дома Миларов, от чего Дариан был не в восторге, но, видя радость Мару-Эль, радовался за нее. В сущности, он не придавал особого значения тому, где жить, главное – быть вместе с Мару-Эль. Но каждое утро он проводил в одиночестве. Не только его супруга долго спала по утрам, такую привычку имели и ее родственники. А он в это время бродил по пирамиде, открывая все новые и новые комнаты, любясь их неповторимой красотой.

Потом он выходил из дома, скакал на лошади, собственноручно собирал цветы для жены. Порой он пользовался телепортом и, перемещаясь по побережью, катался на корабле. Но всегда при пробуждении Мару-Эль старался быть рядом с ней. Просыпаясь, она делала недовольное лицо и спрашивала мужа, отчего он не разбудил ее раньше. Дариан смеялся над ее театральным представлением, которое каждый день менялось, поражая его талантом и искренностью актрисы. Другие члены семьи вставали чуть позже. Дариан вначале удивлялся их режиму, но вскоре привык и решил, что Милар тратит слишком много энергии на постройку новой пирамиды и потому вовремя не успевает исполнять программы для распорядка дня. Хотя такие размышления заводили Дариана в тупик: зная о возможностях обменника, он сомневался в таком развитии событий. Затем он предположил, что Милары просто-напросто имеют личные предпочтения, несколько далекие от его образа жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.